

MUNDOCLASICO.COM

Boris en el metro

Jorge Binaghi

viernes, 11 de mayo de 2007

Una figura esbelta, vestida de blanco y de cabellera plateada y gafas negras camina en una tarde de verano anticipado frente a la Opéra Bastille en París y se pierde, como tantos otros, en una boca de metro. Voy hablando a su lado, miramos cada uno nuestra dirección, se despide con una enorme sonrisa y un gesto expresivo de saludo, y ahí es cuando me doy cuenta de que he estado más de una hora sentado con él en su camerino un día después de una de sus representaciones de *Simon Boccanegra*: un hombre joven (él dice que no tanto), generoso, extrovertido y espontáneo que es uno de los grandes barítonos del momento (caigo también en la cuenta de que he entrevistado más de su cuerda que de cualquier otra).

Dmitri Hvorostovski, que ha llegado puntualísimo pese a estar pendiente del teléfono porque espera la llegada de su esposa, me pregunta dónde hacemos la entrevista y en qué lengua. No lo sé; él tampoco. Se decide por el inglés (“mi segunda lengua”) y por el camerino (afuera hace calor, y hay ruido y manifestaciones varias, un día antes del primer turno de las presidenciales). Y empieza entrevistando él...No dejará de hacerlo. Uno puede preguntar, que va a responder y seguir por donde él quiere. Tiene derecho y lo hace bien.

Dmitri Hvorostovski. ¿Y usted de dónde viene?

Jorge Binaghi. Muchos sitios...He nacido en Buenos Aires, pero...

D. H. Mi ciudad y mi teatro latinoamericanos favoritos (A México lo considero Norteamérica; he cantado allí y también me gusta mucho). Lástima que no me han vuelto a llamar...Usted a lo mejor sabe por qué...Tenía un contacto fascinante con el público, y me encantaba la ciudad...

J. B. Sonrío, lo miro, me encojo de hombros, digo algo así como que ya no vivo allí y pasan muchas cosas y todo es muy complejo. O muy sencillo....

D. H. (se da cuenta de que por ese camino nos alejaremos sin provecho y modifica) ¿Qué le pareció este *Simon*?

J. B. He venido exclusivamente porque lo cantaba usted. El año pasado había dicho que una puesta como ésta no me pillaría más

D. H. (se ríe sonoramente y el timbre es tan fabuloso como inconfundible; es lo que, entre otras cosas, las entrevistas escritas no pueden transmitir) No lo culpo. A mí me interesaba mucho hacer la ópera en París, y he tratado de modificar algo, de hacer entender algunas cosas, pero... ¿Cómo puedo hacer la escena del Consejo así? Un líder, un rey, salen del pueblo, le pertenecen. El pueblo los vuelve reyes, o tiranos. Es el caso de 'Simone'. Ocurre ya en el prólogo... Este es un papel fabuloso. Al final, cuando no puedes convencer a los responsables, ¿qué haces? ¿Irte? Es difícil. Vas a cantar esa música magistral y a hacerlo lo mejor que sabes.

J. B. ¿Primera vez en absoluto o en Europa?

D. H. (me mira con unos ojos directos) La segunda. Probé primero en Houston. No sabe usted bien lo que significa este papel para un barítono. Espero poder cantarla muchas veces más...

J. B. La ha abordado muy joven..

D. H. ¿¡Muy joven?!!! ¿Cuándo la voy a cantar si no ahora? No puedo pretender ser un Plácido Domingo, que además ahora va a cantar este mismo papel en unos cuantos sitios... Y antes de que me diga nada, lo admiro mucho y admiro su capacidad de trabajo, de dirigir dos casas de ópera, dirigir orquestas, seguir añadiendo papeles y cantando algunos de los otros... Pero yo no creo ser como él...

J. B. Bueno, pero usted no ha tenido la misma carrera de los grandes de su cuerda, Tibbett, Warren, Taddei, McNeil... Todas voces enormes y, con una excepción, nadie cantaba Mozart o belcanto, y muy poco francés... Y lo que me ha gustado es que ha sabido encontrarle el modo a la maldición que cierra el primer acto jugando con el matiz y la ironía en vez de con el volumen...

D. H. (es el único momento en que parece algo contrariado) Cada uno tiene sus medios. Yo estoy en mi mejor momento. No pienso volver a cantar Mozart

J. B. Pero si usted es un especialista de 'Don Giovanni', y también el 'Conde'

D. H. Por favor. He cometido mucho tiempo el error de cantar Mozart y eso casi puede con mi voz. He tardado en darme cuenta, pero no lo volveré a cantar aunque lo sigo admirando musicalmente. El *belcanto* es otra cosa...

J. B. Aún recuerdo su debut en Bruselas en una Favorita en concierto, donde era casi el único que cantaba sin mirar la partitura. Fue fascinante...

D. H. Sí, es un papel que me gusta. Y hay algunos otros.

J. B. Por ejemplo, el repertorio francés. Usted ha cantado 'Valentín'...

D. H. (dubitativo) No, no creo que vaya a repetirlo, ni tampoco que vaya a agregar un papel de este tipo de repertorio. Estoy prácticamente seguro de que de ahora en adelante me voy a centrar en Verdi, que es para lo que mi voz está hecha. Créame, no es una dificultad, es un gusto cantarlo.

J. B. ¿Tiene en mente algún papel nuevo?

D. H. He hecho, y pienso seguir haciendo, el ‘Conde de Luna’. ‘Rigoletto’ mucho menos, pero quiero hacerlo más, el ‘Renato’ del *Ballo*. ¿Se da cuenta qué papeles?

J. B. ¿Y *Ernani*?

D. H. Lo he estudiado. Otra joya, pero no me gusta el libreto. Por el momento el próximo es *Stiffelio*. ¡Qué música y qué gran escena la del barítono!

J. B. Sin duda, pero es un personaje no demasiado simpático ‘Stankar’. Un poco como el ‘Germont’ de *Traviata*...

D. H. Pero mire qué desafío, hacer de un papel en principio menos grato y menos protagónico alguien importante. De alguna manera, y no se tome esto como un arranque de divismo, cuando canto ‘Germont’ -y lo hago con gusto- trato de que ese personaje sea protagónico en las escenas en que aparece. Es un desafío artístico.

J. B. ¿Lo canta mucho?

D. H. Pronto lo haré en Nápoles.

J. B. No canta demasiado en Italia, o en España.

D. H. Por Italia puedo decirle que me gustaría, pero cuando proponen algo, en general ya estoy contratado en lugares en que se piensa con más antelación. A Nápoles voy ahora, además, con gusto porque es una ciudad que me fascina, como su gente, su comida... Adoro a estos pueblos que se parecen tanto al mío. Pero en general uno no decide siempre dónde cantar...

J. B. Bueno, usted se presenta mucho en recitales en ciudades donde, por los motivos que sea, no canta ópera. ¿Lo piensa seguir haciendo?

D. H. (serio) No sé, o no sé por cuánto tiempo aún. Estoy esperando un cuarto hijo, el segundo de mi segundo matrimonio. Y estos viajes... cuando uno se desplaza para un recital. Sabe, el mundo de la ópera cambia. Predomina el criterio de que somos ‘*entertainers*’. Y nosotros somos artistas, a veces frágiles. Llegas a una ciudad que a veces no conoces, donde no tienes a nadie conocido. Nadie te va a recibir, nadie se preocupa de saber no sólo cómo te encuentras o si necesitas algo; ni siquiera, muchas veces, saben si has llegado. Y así se hace pesado por más que sea tu profesión y un gran placer. Somos artistas, insisto...

J. B. “*There’s no business like show business*”

D. H. Usted sabe tan bien como yo que aquí no se trata, por más que quieran, de ‘*showbiz*’

J. B. Sí, pero casi nadie lo dice tan claro como usted. Incluso algunos aprovechan ...o son aprovechados, o todos se aprovechan mutuamente...

D. H. (claramente quiere dejar el tema) Volviendo a mis papeles... Naturalmente que quiero seguir cantando ópera rusa, pero salvo algunos títulos, es difícil 'exportarla'. En mi caso, el único título que hago con frecuencia es *Onegin*....

J. B. También es un gran protagonista de *La novia del zar*...

D. H. ¿Y dónde me la ofrecen? Con 'Eugene' tengo suerte porque es un personaje que parece fácil y no lo es, y no sólo vas aprendiendo cuanto más lo cantas y cuanto más oyes a tus compañeros -piense cuando yo tenía a mi lado a un Galouzin, por ejemplo-. La música de 'Onegin' es muy sutil, muy profunda, muy variada, hay que hacerlo ver... Uno, además, con el tiempo, no sólo acumula la experiencia musical, sino la de la vida... He hecho mucho este papel, desde muy joven, y recuerdo la ilusión de la primera vez. De un modo distinto, conservo la ilusión, no se ha hecho rutina. Sigo buscando y encontrando cosas, y ni me quiero acordar de algunas 'soluciones' que había encontrado al principio y que hoy hago de modo distinto... Le cuento algo... Hace poco la canté en el Met... Le envié una grabación en dvd a mis padres porque estaba muy contento de esa función, más que de muchas otras, y sobre todo aquellas primeras, que ellos habían visto en Rusia. Me contestaron "muy bien, pero entonces eras realmente joven". Fue un jarro de agua fría.

J. B. He visto esa transmisión en directo y realmente ha sido una versión notable, no sólo por lo que al protagonista se refiere.

D. H. Sobre todo, escríbalo, por fin he encontrado a mi 'Tatiana'. Es muy importante para cantar 'Eugene' encontrar una 'Tatiana' con la que tengas complicidad.

J. B. Parece que es usted, como yo, un convencido de las calidades de la Fleming...

D. H. Renée es una gran amiga. Aquí mismo estoy viviendo en uno de sus apartamentos. Y una gran trabajadora. Una artista que se arriesga cuando podría no hacerlo. Cantar en ruso no es fácil, aunque tengas raíces esclavas en la familia. Cuando vino para esa especie de festival que tengo, 'Dmitri y sus amigos', hicimos la escena final de esta ópera y supe de inmediato que había encontrado a mi pareja artística ideal para esta ópera...

J. B. Lástima que no haya hecho con ella este 'Simon'. Como con Gergiev... o Abbado, para esta ópera en concreto...

D. H. Conlon es un muy buen director, se puede hablar con él. Hay otros, más famosos o considerados más verdianos, que ahora se han vuelto muy lentos. De todos modos, pienso que haré aquí en París, *Onegin* con Renée.

J. B. Ha conseguido usted un milagro. No parece que el nombre de Fleming esté entre los preferidos de la actual dirección

D. H. (sonrisa de pícaro) Es que he hablado con el futuro director... Pero, para que vea por qué me interesa tanto este *Simon*, es para mí un poco el equivalente del *Boris Godunov*

J. B. Ya decía yo que el momento de la muerte parecía la de un 'Boris', con esa forma de caer...

D. H. ¿Le digo algo? No sabe usted bien lo que he estudiado el *Boris*. Estaba empeñado en hacerlo. Hasta que tuve que rendirme a la evidencia de que era demasiado grave para mi voz... ¡Qué papel!

J. B. Aparte de que es natural su admiración por el papel, le ha servido ahora para este...

D. H. No está dicha la última palabra. Tal vez en cine...

J. B. ¿Cine? Claro, tiene usted muy buena figura...

D. H. Bueno, puede ser otra forma de continuar la carrera. O de hacerla en paralelo. Conversaciones hay... Veremos...

J. B. Le agradezco enormemente el tiempo que me ha dedicado un sábado por la tarde.

D. H. Ha sido un placer, y para mí forma parte también de mi profesión. Un saludo cordial a los lectores, y ojalá que pronto podamos estar en el mismo teatro juntos.

Efectivamente, querido lector, "ser rey es empleo y el cargo no tiene beneficio", que decía Quevedo. Y aunque viaje en metro, este admirador de 'Boris' es un poco o un mucho 'Boris'. Como diría él, un artista. ¿Es tan difícil darse cuenta de que la verdad del arte lírico radica en lo que el inteligente, instintivo, vocal y físicamente dotado, y por sobre todo enamorado de su profesión, Dmitri Hvorostovski dice?

2007 Май 11 Париж БОРИС В МЕТРО
Интервью с Хорхе Бинаджи

Видный мужчина, одетый в белое, с серебряной шевелюрой, в чёрных очках проходит этим по-летнему теплым вечером мимо театра Opera Bastille, в центре Парижа, и теряется, нырнув в подземку метро... Я иду, разговаривая с ним рядом, после мы обмениваемся взглядами, и он прощается выразительным жестом руки, одарив меня широкой замечательной улыбкой. И только после этого я понимаю, что пролетели больше часа беседы с ним в гримерке театра день спустя после представления "Симона Бокканегра". Молодой человек (он говорит, что уже не очень молодой), импульсивный, открытый является одним из самых выдающихся баритонов современности.

Дмитрий Хворостовский приехал суперпунктуально, не смотря на то, что постоянно заглядывал в телефон, ожидая приезд своей супруги. Спросил меня, где будем беседовать и на каком языке. Я не знаю. Ни он. Остановились на английском ("мой второй язык") и на гримерке (на улице жарко и шумно из-за митингов, проводимых к первому туру президентских выборов во Франции). Спрашивать начинает... он. Не переставая. Каждый имеет право знать темы разговора и вести беседу в своё русло. И у него это неплохо получается.

ДХ: А Вы откуда?

Хорхе Бинаджи (в дальнейшем ХБ): Я из многих мест, но родился в Буэнос Айресе...

ДХ: Это мой самый любимый город и театр в Латинской Америке. Мехико я считаю североамериканским городом, я там пел и тоже очень люблю местную публику. Жаль, что они больше не зовут меня. Возможно, Вы знаете, почему.. У меня там был потрясающий контакт с публикой, и сам город мне симпатичен...

ХБ: (смеюсь, смотрю на него, пожимаю плечами, говорю что-то типа, я давно уже там не живу, и столько произошло всего за это время, что сложно объяснить. Или наоборот легко?..)

ДХ: (понимает, что разговор заходит в тупик и меняет тему)
Как Вам этот Симон?

ХБ: Я приехал специально из-за Вас. В прошлом году я говорил себе, что больше меня не привлекут подобные постановки.

ДХ: (смеётся звонко, этот тембр насколько замечателен, настолько непередаваем. Это то, что напечатанное интервью не может описать.) Я Вас не виню. Мне было интересно поработать в Париже, я попытался изменить что-то, попытался понять какие-то новые вещи, но... Как я могу вот так спеть сцену Совета в Генуе? Лидер, глава, выходит из народа, принадлежит ему. Народ делает таких людей или лидерами, или тиранами. Это Симон. Уже в прологе видно происходящее. Это гениальная партия! В конце концов, когда ты не можешь убедить тех, кто отвечает за постановку, что делаешь? Уйти, бросить? Это очень тяжело. Ты поешь эту невероятную музыку и стараешься делать это на грани своих собственных возможностей.

ХБ: Вы её поете впервые вообще или впервые в Европе?

ДХ: (смотрит мне прямо в глаза) Второй. Первый был в Хьюстоне. Вы даже не представляете, что значит эта партия для баритона. Я очень надеюсь петь Симона ещё много раз в своей карьере.

ХБ: Вы подошли к ней достаточно молодым.

ДХ: Молодым?!! Когда же её петь, если не сейчас? Я не могу пытаться быть Пласидо Доминго, который, кстати, сейчас участвует в нескольких постановках Симона. Я его очень уважаю и ценю его творческий потенциал, руководить двумя театрами, дирижировать, находить новые роли и продолжать петь...Но я сомневаюсь, что буду делать то же самое...

ХБ: Да, у Вас карьера складывалась немного по-иному. Тиббетт Лоуренс, Джузеппе Таддеи, Корнелл Макнейл, Леонард Уоррен (примечание переводчика: баритоны 20 века) Всё это великие голоса, и за некоторым исключением, никто не пел Моцарта или

бельканто, и очень мало по-французски. И мне лично очень нравится, что Вы сумели найти подход к этому проклятию, когда баритон заканчивает первый акт своей карьеры, играя нюансами и иронией, вместо громкости.

ДХ: (единственный момент нашей встречи, когда он показался несколько противоречивым) Каждый имеет свои собственные подходы. Я сейчас нахожусь на пике формы. И не собираюсь больше петь Моцарта.

ХБ: Но Вы же специалист в Дон Жуае и в графе Альмавива!

ДХ: Умоляю Вас! Я совершил ошибку, исполняя слишком много партии Моцарта, и это сильно ударило по моему голосу. Я долго не мог понять, в чём дело, но я абсолютно уверен, что я не вернусь к Моцарту, хоть и продолжаю уважать его как композитора. Бельканто это совсем другое дело...

ХБ: Я до сих пор помню Ваш дебют в Брюсселе, в концертном исполнении "Фаворитки". Вы были единственный, кто пел, не глядя в партитуру. Это было потрясающе!

ДХ: Да, эту партию я очень люблю. И кое-какие другие...

ХБ: Например, французский репертуар. Вы пели Валентина

ДХ: (размышляя с сомнением) Нет, не думаю, что вернусь к нему, ни что в дальнейшем продолжу включать в свой репертуар подобные роли. Я сейчас собираюсь сосредоточиться на Верди, для которого и создан мой голос. Поверьте, дело не в сложности, а в желании.

ХБ: У Вас в мыслях какая-то новая партия?

ДХ: Я пел (и собираюсь петь дальше) графа Ди Луну, Риголетто - меньше, хотелось бы ещё, Ренато из "Бал-маскарада". Вы понимаете, что это за партии?

ХБ: И Эрнани?

ДХ: Я его прочитал, изучил. Ещё одна жемчужина, но мне не очень понравилось либретто. Пока на очереди стоит "Стиффелио". (примечание: опера Верди) Какая музыка и какая великолепная сцена с участием баритона!

ХБ: Без сомнения, но Станкер далеко не самый симпатичный персонаж. Примерно, как и Жермон в "Травиате"

ДХ: Вы посмотрите, какой вызов, взять на себя партию изначально не такую приятную и менее важную и сделать из неё в некотором роде главную роль. В какой-то степени, так, и не подумайте, что я страдаю манией величия. Когда я пою Жермона (и делаю это с удовольствием), стараюсь, чтобы этот персонаж был бы главным героем сцен, в которых он участвует. Это и есть цель артиста.

ХБ: Вы его часто исполняете? (Жермон имеется в виду)

ДХ: Скоро в Неаполе.

ХБ: Вы редкий гость в Италии, и тем более в Испании...

ДХ: В Италии, могу сказать Вам, что мне хотелось бы выступать чаще, но когда мне предлагают что-то, как правило, я уже подписал контракт с другим театром, который составляет репертуар за более долгое время. В Неаполь я поеду с желанием, очень люблю этот город, людей, кухню... Я очень ценю народы, которые похожи на мой. Так что в основном не я решаю, где мне петь...

ХБ: Хорошо, Вы часто выступаете с камерными концертами в тех городах, где, как правило, не поете оперу. Будете продолжать в этом же духе?

ДХ: (серьёзно) Не знаю, или не знаю, сколько ещё времени. Я ожидаю появления на свет моего четвёртого ребёнка, второго в моём втором браке. Столько поездок.. Когда нужно уезжать ради одного концерта. Знаете, мир оперы меняется. Превалирует критерий, что мы это "шоумэны", забава, развлечение. Мы артисты, люди, часто хрупкие. Приезжаешь в город, который тебе часто незнаком, где у тебя никого из знакомых. Никто тебя не встречает, не заботится о тебе, не спросит, нужно ли тебе что-то, даже больше - часто бывает, что даже не знают, приехал ли ты. И это тяжело, не смотря на то, что это твоя профессия, и профессия любимая. Мы артисты, повторяюсь..

ХБ: " Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес"

ДХ: Вы знаете это также хорошо, как и я, что здесь нет и речи о шоу-бизнесе.

ДХ: Вы знаете это также хорошо, как и я, что здесь нет места для шоу-бизнеса.

ХБ: Да, но никто об этом не говорит так открыто, как Вы. Даже некоторые пользуются, или используют их, или и то, и другое...

ДХ:(хочет сменить тему) Возвращаясь к моим ролям... Естественно, что я хотел бы продолжать исполнять русскую оперу, но кроме некоторых произведения, она трудно "экспортируется". В моем случае, единственная опера, которую я пою очень часто, это "Евгений Онегин".

ХБ: Также Вы главный персонаж в "Царской невесте"

ДХ: И мне её где-то предлагают?... С Онегиным мне повезло, т.к. это персонаж, который на первый взгляд кажется простым, но таковым не является. Ты учишься постоянно, чем больше поешь эту партию и чем больше ты слышишь своих партнёров по сцене, подумайте, увидеть рядом с тобой Галузина (Владимир Галузин, тенор). Музыка Чайковского очень тонка, очень глубока, очень разнообразна, это надо почувствовать.

Каждый, кроме всего прочего, накапливает не только музыкальный, но и жизненный опыт. Я пел очень много раз эту партию, с самого молодого возраста, и помню до сих пор предвкушение и волнение первого выхода на сцену. Сейчас в несколько другом ключе, но я сохраняю в себе это предвкушение, выход на сцену не вошёл для меня в рутинную привычку. Я продолжаю искать и находить что-то новое, и не хочу даже вспоминать о некоторых решениях, принятых мною в начале карьеры, т.к. сейчас я делаю многое иначе. Расскажу Вам одну историю. Недавно я пел Онегина в МЕТе. Послал моим родителям запись на dvd, т.к. я был очень доволен сыгранной партией, больше, чем другими, особенно теми первыми, которые они уже видели в России. Они мне отвечают: "Очень хорошо, но тогда ты был по-настоящему молод, как Онегин". Это было, как ушат холодной воды.

ХБ: Я видел эту прямую трансляцию, и действительно, это выдающаяся версия "Онегина", не только из-за Вашего участия.

ДХ: Особенно, подчеркните это, я наконец-то нашёл мою "Татьяну". Это очень важно, чтобы исполнять Онегина, найти Татьяну, с которой у тебя есть сопричастность, химия.

ХБ: Кажется, что Вы, как и я, убежденный поклонник таланта Флеминг.

ДХ: Рене мой большой друг. Прямо сейчас я живу в одном из её апартаментов. Это неутомимая труженица. Артист, который идёт на страх и риск, когда мог бы этого не делать. Петь по-русски нелегко, даже если в твоей семье есть славянские корни. Когда она приехала для участия в одном из концертов серии Хворостовский и друзья, мы сделали с ней финальную сцену из Онегина, и я тут же понял, что нашёл моего идеального партнёра по этой опере.

ХБ: Жаль, что Вы не спели с ней здесь Симона.... Также, как и с Гергиевым, или Аббадо (Клаудио Аббадо, итальянский дирижёр) в этой конкретной постановке.

ДХ: Джеймс Конлон хороший дирижёр, с ним можно договариваться. Есть другие, более известные и считающиеся вердиевскими, но переговоры с ними очень долгие и затяжные. В любом случае думаю, что в Париже будет мой Онегин с Рене.

ХБ: Вы бы совершили чудо! Т.к. имя Флеминг не значится в числе любимчиков этого театра.

ДХ: (хитро улыбаясь) Дело в том, что я уже говорил с будущим дирижером. Но, чтобы Вы поняли, почему мне настолько интересен Симон, скажу, что для меня он эквивалентен "Борису Годунову", по размаху и мощи.

ХБ: Не зря я говорил себе в момент сцены смерти, что это похоже на сцену из Годунова, с той же подачей ухода, падения...

ДХ: Сказать Вам что-то? Вы не знаете, насколько досконально я изучил оперу "Борис Годунов". Я упрямо зациклился на этой партии. До тех пор, пока, к моему сожалению, не

понял, что она слишком низка для моего голоса. Но какая роль!

ХБ: Кроме естественного восхищения этой ролью, она бесспорно помогла Вам спеть Симона.

ДХ: Последнее слово ещё не сказано. Возможно, в кинематографе

ХБ: Кино? Ну понятно, Вы прекрасно выглядите для съёмок фильма

ДХ: Да, возможна другая форма продолжения карьеры... Или параллельная форма. Разговоры уже есть. Увидим...

ХБ: Я Вас искренне благодарю за потраченное на меня время в этот субботний вечер.

ДХ: С удовольствием, это часть моей работы. Горячий привет читателям, надеюсь, скоро вновь увидеться со всеми вами в этом городе на новой постановке!

Конечно, уважаемый читатель, "Быть королём это работа, и должность не имеет выгоды", как говорил Кеведо. Не смотря на то, что он пассажир метро, этот поклонник партии Бориса сам немного и немало Борис, царь. Думаю, несложно понять, что истина лирического искусства заключается в словах интилегентного, интуитивного, одарённого голосом и физически, и особенно влюбленного в свою работу Дмитрия Хворостовского?

Перевод с испанского Ирины Трушкиной